

Исламова А.К.

Кандидат филологический наук, доцент, филологический факультет
Санкт-Петербургского государственного университета

СИМВОЛЫ ВЛАСТИ В РОМАНЕ К. УИЛСОНА «МАГ»

Колин Уилсон – английский писатель, философ и публицист, ведущий представитель социальной фантастики в литературе Запада второй половины XX века. Самым значительным достижением Уилсона в этом жанре является эпопея «Мир пауков» (1987-1992), включающая романы «Башня», «Дельта», «Маг» и «Страна призраков». Каждая книга составляет неотъемлемую часть всей тетралогии, поскольку их соединяет общая прогностическая установка на создание перспективной картины мира с условных позиций пост-современности. Неразрывная связь фантастического замысла с актуальной действительностью придает произведению Уилсона эпическую масштабность, соизмеримую и с возможными, и с текущими проблемами человеческого существования. Английский критик Г. Ф. Доссор писал, что тот, кто обратится к творчеству К. Уилсона, «окажется перед лицом насущных вопросов нашей эпохи и соприкоснется с умом, который проявил чрезвычайную проницательность в их истолковании» [1, 319].

Футурологический проект эпопеи исполняется автором при помощи разнообразных средств художественной условности, потому что они допускают репрезентацию вероятностных образов инобытия без нарушения миметического принципа правдоподобия. По справедливому замечанию В. А. Дмитриева, правдоподобие и условность представляют собой «плодотворно взаимодействующие тенденции художественной образности <...>, на которые опирается творческая фантазия в неутомимой жажде доискаться до правды жизни» [2, 277]. В «Мире пауков» К. Уилсона функции матричной формы художественной условности выполняет аллегория, задавая эстетические параметры прочих условных знаков относительно жизненного содержания каждой книги эпопеи. Так, в первом романе цикла сюжетная линия аллегорического рассказа о господстве пауков и угнетении людей регулирует системную организацию мифологем, отвечающих тотемным, антропоморфным и средневековым представлениям о происхождении властвующих в мире сил. В романе «Дельта» образы иносказания приобретают ясность классицистического стиля, наполняясь рациональными понятиями о вещах природы и общественном устройстве после вооруженного восстания людей против владычества пауков.

В романе «Маг» на смену прозрачным аллюзиям на идеологию века Просвещения приходят метафизические символы эпохи романтизма, отражающие радикальные противоречия между мыслимыми идеалами и непреложной действительностью в условиях социального реформирования. Исследуя гносеологические корни романтической символики, Е. Н. Ковтун усматривает их начала в фольклорном пласте культуры, но отмечает значительные изменения первичных форм: «Романтический идеал, принципиально существующий в “иномирье”, нашел свое воплощение в числе прочих в сказочном “другом царстве” – конечно, значительно переосмысленном по сравнению с его фольклорным предшественником» [3, 153]. В романе «Маг» К. Уилсона романтическое двоемирие воссоздается как семиотическое пространство символических образов и мистических представлений действующих лиц о природе зла, которое вселилось в сообщество людей и вызвало в нем распад исконных родовых связей и гуманистических отношений после освобождения от диктатуры абсолютистского паучьего режима. Недоумевающий рассудок героев-освободителей переносит истоки разрушительных стихий по ту сторону человеческой реальности и ищет знаковые коды для выражения

потусторонних сущностей по аналогии с образными воплощениями сверхъестественного в волшебной сказке.

Прослеживая развитие метафизических тенденций в философской фантастике, К. Уилсон писал: «Авторы сверхъестественной фантастики исходят из одной общей посылки: все они стремятся утвердить идею зла как властной силы, существующей *вне* человека. Эта идея подразумевает также и дуалистическую природу самой власти» [4, 148]. Главный герой романа «Маг» по имени Найл призван автором раскрыть предельные начала зла и его властной силы в глубинах эмпирического мира человеческого бытия. Умный и решительный предводитель повстанцев, он приводит свой народ к победе над пауками благодаря ясному видению целей свободы, равенства и братства всех людей. Но мир, казавшийся ранее вполне осмысленным и удобопонятным, начал неудержимо ускользать от вопрошающего разума героя-идеолога, когда он сам встал у кормила власти и не смог защитить гуманистические идеалы от вездесущего насилия. Наблюдая поведение сограждан в различных повседневных ситуациях, он обнаруживает признаки воздействия той страшной демонической силы, которая порождала в одних и тех же людях стремление повелевать и смиренную покорность повелению. Древнее магическое заклинание «господин- раб» пронизывало силовыми полями весь социум и являлось на каждом участке его пространства как власть инстинкта, плоти, собственности, денег, нормы и множестве других форм господства и подчинения.

В ходе расследования жестоких серийных убийств символы власти явились перед взором Найла в виде каменных идолов, именных медальонов, сплетенных цепей и прочих атрибутов культового служения своим кланам как жертв, так и убийц. На всех антагонистах, отстаивавших расовое, социальное и политическое превосходство своих групп, лежали печати веры в подлинность тех идей, что были исподволь внушены им как собственные и вдохновляли верующих идти за них на смерть и на убийство.

Фанатичные слуги авторитарных культов сливаются в устрашающее воинство человекоподобных существ с умерщвленными душами, олицетворяя консолидированную мощь идеологического принуждения. В данном отношении умножающееся воинство «живых мертвых» представляет собой эпифорическую парадигму образов-знаков, составляющих фундаментальное основание для символической пирамиды власти в романе «Маг».

Венчает пирамиду верховный знак-иерарх – энигматическая фигура черного мага. Семиотические функции этой символической фигуры заключаются в том, чтобы скрыть имманентную природу зла за мистическими завесами легенд о его трансцендентной сущности и неизбежности присутствия на земле. Герой-правитель встает перед задачей разоблачения черного мага и низвержения его с потусторонних высот в житейскую скверну, чтобы спасти свой народ от демонического наваждения. Однако эта цель могла быть достигнута протагонистом только в том случае, если бы он покинул занятую им позицию «мечтателя на троне», который насаждает идеалы свободы и демократии, не выпуская из рук символического жезла самодержца. Первоначально Найл не отдавал себе отчета в парадоксальности своего положения, но страстное стремление постичь тайную магию власти вывело его из темного лабиринта заблуждений на верную дорогу опыта и знания. Знаковый образ мага раскрылся для искателя истины как средоточие собственной воли к абсолютной, богоподобной власти, когда он увидел лик злого чародея в недрах своего «я». Догадку о тщеславной и тиранической самости мага-Найла подтверждает Симеон, старый друг и мудрый советник юного правителя: «Есть боги-творцы, создавшие Землю. Потом идут духи природы, которым нет дела ни до чего, кроме деревьев, озер и гор. Наконец, есть чародеи, стоящие на полпути между богами и людьми. Твой маг, сдастся мне, относится именно к ним» [5, 212].

Конфликт между гуманистической сущностью и эгоцентрической самостью героя достигает кульминации, когда на жизненном пути бывшего подвижника встает стена из несметной рати «живых мертвых», в которых ему предстояло распознать творения злой воли. Но то был уже новый этап поисков истины, описанных в романе «Страна призраков», последней книге эпопеи «Мир пауков».

Разрабатывая тему власти в романе о будущем, К. Уилсон сообщил ей ценностные ориентиры современного сознания, отказывающегося подчиняться авторитету внушаемых извне канонов, предвзятых установок и централизованных идеологических схем. Вместе с тем, писатель обозначил четкие границы в интерпретации темы, когда привнес в свою книгу литературную моральную традицию вместе с этическими критериями истины при постановке и решении проблемы власти. В книге «Маг» этическое содержание концепта «власть» складывается как результат взаимодействия бытийных и идейных компонентов повествовательного дискурса, проявляя исключительную зависимость от изложенной истории и значений жизненного опыта героев. Эстетическое оформление концепта выполняется при помощи знаков художественной условности, которые дают код доступа к логике его смысла – авторской системе понятий о становлении и развитии гуманистического самосознания человека как мере единства личной свободы и общественной необходимости в организации совместного существования отдельных индивидуумов: «Реальная проблема заключается в том, чтобы примирить запросы здорового индивидуализма с требованиями общества. Здоровый индивидуализм – это способность сознательного самоопределения личности, исключающая опасности внутренних конфликтов и окончательного надлома. То же справедливо и в отношении общества: оно должно быть ориентировано на повышение творческой активности всех своих участников» [6, 49].

Литература

1. Dossor H. F. Colin Wilson: The Man and his Mind. – Shaftsbury, Dorset: Element Books, 1990. 351 p.
2. Дмитриев В. А. Реализм и художественная условность. – М.: Сов. писатель, 1974. 280 с.
3. Ковтун Е. Н. Художественный вымысел в литературе XX века. – М.: Высшая школа, 2008. 408 с.
4. Wilson C. The Strength to Dream: Literature and the Imagination. – Boston: Houghton Mifflin Co., 1962. 277 p.
5. Уилсон К. Мир пауков. Кн. 3. Маг/ Пер. А. Шабрина. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. 413 с.
6. Wilson C. Beyond the Outsider. – London: Pan Boks, 1966. 255 p. P. 49.